

ветом на него является подражание Львова «От Узбека Заши в Испанию» (л. 94—96), аналогий содержанию которого у Монтескье нет. Узбек Львова пишет не как самовластный правитель сераля, а как не верящий в измену жены влюбленный, в душе которого борются противоречивые чувства. Главным для русского поэта оказывается противопоставление внутренних побуждений героя обязанностям, налагаемым на него высоким общественным положением: «Трепещу я сам истины! если тебя уличат, Заши, лишусь я твоих прелестей, но ты сердца моего не лишишься — я отпущу тебе как султан, но как любовник буду наказан. Хотя потом невинность твоя окажется, величество сана моего воспрепятствует мне к тебе возвратиться, султан унижится, когда любовник восторжествует» (л. 95). Воспоминания Узбека о первой встрече с Заши, угрозы, напоминающие скорее мольбы, и т. д. — все это результат развития Львовым одной из ситуаций «Персидских писем».

Тот же интерес к миру человеческих переживаний обнаруживает подражание «От Узбека к Рокслане».²² Сравнение с любимой открывает Узбеку глаза на притворство французских женщин, этой же темы касается Монтескье в письме XXV, но любовные воспоминания, составляющие большую часть послания восточного путешественника к жене, в «Персидских письмах» подобных аналогий не имеют.

Третье подражание Львова — «Рика к Залисе» (л. 101 (1), об.—104) во многом сходно с сатирическими картинками, которые рисовал Монтескье, но образ молодого «светского» человека, подавляющего всех своим громким голосом, более сообразуется с нравами тогдашнего Петербурга, где соседствовали европейская образованность и крайнее невежество, чем с Парижем эпохи Регентства.

Тема самоотверженной любви невольника к жене повелителя раскрывается в его письме к Цефизе (л. 108—109, об.), чье имя у Монтескье не встречается. Львова, очевидно, увлекла возможность показать чувства героя, который не в силах скрыть губительную страсть и потому осмеливается писать.

Переводы Н. А. Львова точны, они выполнены разговорным языком образованного общества того времени и верно передают мысли автора. Пожалуй, выбор только одного выражения в письме CLVII следует признать неудачным: «. . . подлая и дерзкая душа взяла надо мною поверхность» («*Son âme insolante et servile s'est élevée sur la mienne*»). Эта фраза дает возможность самых различных толкований, тогда как Монтескье имелась в виду власть внуха над Заши.

Завершая обзор литературных материалов, содержащихся в «Путевой тетради № 1» Н. А. Львова, можно констатировать, что объектом тщательного изучения для молодого поэта была литература французского классицизма XVII—XVIII вв. Значительное

²² Сохраняем написание Львова, у Монтескье — *Roxane*.